

Маракотова бездна

Фантастический роман А. Конан-Дойля

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ¹⁾

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ РОМАНА

Доктор Маракот, его научный сотрудник Кирус Хедлей и механик Биль Сканлэн отправляются на судне «Стратфорд» для исследования глубин Атлантического океана. Юго-западнее Канарских островов экспедиция начинает производить исследование. Налетает буря, судно тонет.

Через три месяца грузовой пароход «Арабелла Нолес» подбирает в открытом океане стеклянный шар, где лежит письмо Кируса Хедлея. В нем Хедлей сообщает, что он с Маракотом и Сканлэном перед бурей опустились в глубь океана в особом снаряде; гигантский рак перетер клешнею канат, на котором кабинка была спущена со «Стратфорда», и ученые были спасены

атлантами, живущими на дне океана в грандиознейшем древнем здании. Он подробно рассказывает о культуре и быте этого загадочного народа. Атланты (потомки жителей опустившейся на дно Атлантиды) встречают спасенных весьма гостеприимно, и Хедлей даже собирается жениться на Моне, дочери вождя. При помощи сооруженного Сканлэном радиопередатчика потерпевшим крушение исследователям удастся снестись с внешним миром, и после полугода жизни у атлантов они вместе с Моной под защитой стеклянных колпаков с запасом кислорода покидают подводную страну и появляются на поверхности океана.

I. Опасности глубин.

Много лиц писали мне, Кирусу Хедлею, профессору Маракоту и даже Билу Сканлэну после нашего возвращения из Атлантического океана, где в двухстах морских милях к юго-западу от Канарских островов нам удалось совершить спуск на дно; как известно, этот спуск привел не только к пересмотру установившихся взглядов относительно жизни и давлений на больших глубинах, но и к открытию на дне океана потомков погибшей древней расы. В этих письмах нас самым настойчивым образом просили сообщить подробности наших приключений. Опубликованное мною письмо было весьма кратко и содержало мало

фактов. А приключения наши в самом деле не лишены интереса. Одним из самых захватывающих была встреча с Владыкой Темного Лица. Это приключение было так необычайно, что мы решили пока не говорить о нем. Но теперь, когда официальная наука приняла наши выводы и заключения и признала мою невесту представительницей древней расы, я могу, пожалуй, рассказать о приключении, которое раньше внушило бы лишь недоверие.

Прежде чем перейти к рассказу об этом трагическом эпизоде, я должен обратиться к воспоминаниям о чудесном месяце, проведенном нами в подводном храме атлантов, этих удивительных людей, которые благодаря шлемам с кислородом могут гулять по дну океана так же свободно, как лондонцы по тротуарам Пикадилли.

Первое время после нашего спасения атлантами мы жили скорее на положении пленников, чем гостей. Я хочу рас-

¹⁾ Первая часть романа «Маракотова бездна» была помещена в №№ 1—3 «Всемирного Следопыта» за 1928 год. Вторая часть, представляющая для наших читателей самостоятельный интерес, только теперь печатается в английском журнале «Strand».

сказать, как и почему изменилось наше положение и каким образом, благодаря исключительной роли Маракота, мы настолько прославились в подводном царстве, что в анналах атлантов память о нас навсегда сохранится как о божественных посланцах. Атланты не знали о нашем побеге, иначе они, наверное, сделали бы все, чтобы нам помешать. Несомненно, теперь среди них живет легенда о том, что полубоги возвратились в надводные сферы, захватив с собою самый красивый цветок их сада.

Прежде чем перейти к главному эпизоду, который оставил у всех нас неизгладимое впечатление, я расскажу о чудесах подводного мира, а также о некоторых приключениях, выпавших на нашу долю.

Однажды во дворце атлантов поднялась тревога. Напавив кислородные шлемы, мы бросились наружу вместе с толпой атлантов и побежали по дну океана. Мы не имели представления о том, зачем и куда бежим. На всех лицах были написаны растерянность и страх. Выбежав на равнину, расстилавшуюся перед дворцом, мы встретили множество греков-углекопов, спешивших укрыться во дворе. Мне стало ясно, что мы играем роль спасательного отряда, посланного подбирать рабочих, пострадавших от какого-то бедствия. Но мы не видели и следа оружия и никаких приготовлений к отражению надвигавшейся опасности.

Скоро углекопы были пропущены внутрь здания. Когда последний из них скрылся в дверях, мы обернулись и стали смотреть в том направлении, откуда пришли беглецы. Но мы не увидели ничего кроме двух лохматых зеленоватых облаков, светящихся в центре, которые медленно двигались по направлению к нам. Атлантов вдруг охватила паника, и они бросились к дверям здания.

Действительно это было жуткое ощущение: таинственные носители тревоги медленно приближались к нам. Мы поспешили во дворец. Над входной дверью была фрамуга из прозрачного хрусталя метров четырех длины и около метра ширины; через это окно потоки света лились наружу ярким снопом. Поднявшись по лестницам к окну, мы приникли к хрустальной поверхности. Я уви-

дел, что мерцающие зеленые круги установились перед дверью входной камеры. При виде их атланты завывали от страха. Одно из призрачных созданий, колыхаясь, начало подниматься к окну. Тотчас же атланты стащили меня вниз, подальше от зеленого света, но, повидимому, прядь моих волос все же осталась в поле действия вредных лучей. Эта прядь мгновенно обесцветилась и осталась навсегда седой.

Прошло немного времени, и атланты осмелились открыть дверь. Был послан разведчик, которого провожали крепкими рукопожатиями, дружеским похлопыванием по спине, как смельчачка, решившегося на опасный подвиг. Вскоре он вернулся и сообщил, что все в порядке. Хорошее настроение снова вернулось к атлантам. Казалось, неприятное приключение было забыто. В разговоре их мы уловили часто повторявшееся слово «пракса» и поняли, что так атланты называют странные существа. Единственным человеком, получившим искреннее удовольствие от этого происшествия, был профессор Маракот. Он хотел было броситься за странными животными с банкой и сачком, но его вовремя удержали.

— Новая форма жизни! Необходимо ее изучить! — твердил он.

— Зеленая чертовщина! — менее научно определил Скэнлэн.

Через два дня, когда мы отправились в очередную экскурсию и пробирались среди чащи водорослей, лоя сачками образцы подводной фауны, мы внезапно наткнулись на тело одного из углекопов, очевидно, застигнутого врасплох загадочными зелеными существами. Его шлем был разбит, а на это требуется недюжинная сила, так как стекловидная субстанция шара обладает большим сопротивлением и упругостью. У человека были вырваны глаза, но никаких других повреждений не было видно.

— Среди животных встречаются большие гастрономы, — сказал профессор, когда мы вернулись во дворец. — В Новой Зеландии, например, есть особая разновидность сокола, так называемый «сокол-попугай», который убивает ягнят только для того, чтобы полакомиться небольшим кусочком сочного филея. Так

и эти животные охотятся за глазами человека. И на земле и в глубине океанов природа знает лишь один закон, и этот закон — беспощадная жестокость...

Мы видели немало проявлений этого страшного закона на дне океана. Взять хотя бы следующий пример. Не раз нам приходилось замечать на слое мягкого глубоководного ила глубокую борозду, проведенную каким-то крупным телом. Мы показали этот след нашим спутникам-атлантам и попытались узнать от них, какое животное могло его оставить. Название этого животного выразалось целой группой щелкающих звуков, типичных для языка атлантов и не передаваемых ни одним европейским наречием. Приблизительно это звучало, как «криксчок».

Внешность этого существа мы могли установить посредством экрана-рефлектора, благодаря которому атланты передавали свои мысли в различных образах. Мы увидели странное студенистое создание, которое профессор мог определить лишь приблизительно как гигантского морского слизняка. Животное было покрыто длинными жесткими волосами. На концах его усиков находились глаза. Показывая нам это существо, атланты выражали величайшее отвращение и ужас.

Но это обстоятельство только разжигало пыл ученого, и он решил во что бы то ни стало определить класс и подкласс неизвещного чудовища. Поэтому я несколько не удивился, когда во время нашей следующей экскурсии он остановился там, где был четко виден след таинственного животного. Затем он упрямо направился к базальтовым скалам, куда вел след. У входа в каменистое ущелье след кончался. Мы вступили в ущелье. Все трое мы были вооружены короткими копиями атлантов, но мне казалось, что это плохая защита перед лицом серьезной и неведомой опасности. Профессор упорно двигался вперед, и нам оставалось только следовать за ним.

Ущелье извивалось среди скал; со стен свешивались длинные гирлянды черных и красных ламелларий — характерных растений самых глубоких мест океана. Тысячи красавиц асцидий и морских ежей всех цветов радуги и самой фантастической формы сновали в зарослях,

одевавших скалы. Мы двигались медленно: ходить на такой глубине вообще не легко, да и подъем был довольно крутой. И вдруг мы увидели животное, за которым охотились.

Чудовище сидело в расщелине базальтовой скалы. Была видна только часть его тела, метра в три длиной: мы могли различить его глаза, каждый величиной с чайное блюдечко, желтые и блестящие, сидевшие на длинных придатках. Когда животное уловило шум приближающихся людей, глаза его медленно задвигались, и оно стало вылезать из своего логова, извиваясь всем телом наподобие гусеницы. Потом оно вытянуло голову метра на два над скалой, чтобы лучше разглядеть нас; при этом я заметил, что у него по обеим сторонам шеи были странные наросты в виде подошв.

Профессор остановился, грозно выставил вперед копые. Лицо его выражало решимость. Я понял, что желание достать редкий экземпляр побороло в нем всякий страх. Мы со Скэнлэном были далеко не так героически настроены, но не могли оставить старика и поспешили стать рядом с ним.

Чудовище долго смотрело на нас, потом начало медленно прокладывать себе путь в зарослях, время от времени нащупывая нас своими странными глазами. Предательская медлительность животного чуть было не погубила нас: мы спокойно стояли, так как были уверены, что сможем держаться от него на любом расстоянии.

Случай своевременно послал нам предупреждение. Животное медленно ползло к нам и было уже метрах в тридцати от нас, когда колючий глубоководный ерш выскочил из леса водорослей и стал медленно переплывать ущелье. Он находился на полпути между нами и чудовищем, как вдруг сделал конвульсивный прыжок, перевернулся вниз головой и упал мертвым на дно. В тот же миг мы почувствовали неприятную дрожь во всем теле, и колени у нас подогнулись сами собой. Мне сразу стало ясно в чем дело: мы стояли лицом к лицу с животным, которое посылало электрические волны, чтобы убивать свою добычу, и наши копыя были также пригодны для

борьбы с ним, как палка против пулемета. Наше счастье, что на пути его попался ерш, а то мы неминуемо бы погибли. Мы поспешили ретироваться, твердо решив навсегда оставить в покое гигантского электрического червя.

Мы познакомились и с другим подводным чудовищем — *hidrops ferox*, как его прозвал профессор. Это была красная рыбка, немного крупнее селедки, с широким ртом, усеянным острыми зубами. Обычно она была совершенно безобидна, но запах крови мгновенно привлекал целую тучу хидропсов, и не было спасения для жертвы, атакованной армией хищников, которые разрывали ее на клочки.

Однажды в каменноугольной шахте мы присутствовали при ужасном зрелище: один из рабов-углекопов имел несчастье порезать палец. В одно мгновение со всех сторон налетели тысячи хидропсов и набросились на него. Напрасно убегал он и бился с ними, напрасно убивали рыб лопатами и копьями его испуганные товарищи. На наших глазах несчастный исчез в красной вибрирующей туче. Когда мы снова его увидели, он представлял собою кровавую массу с выступающими белыми костями. Зрелище было так ужасно, что мы все почувствовали дурноту, а здоровяк Скэнлэн упал в обморок, и нам много пришлось повозиться с доставкой его домой.

Я никогда не забуду одного странного зрелища, свидетелями которого мы оказались во время очередной экскурсии. Мы проходили по хорошо известной нам равнине, когда заметили среди темного ила светлую песчаную площадку с холмом посередине. Ее не было здесь накануне. Внезапно к нашему величайшему удивлению песчаная площадка снялась с места и, медленно колыхаясь, поплыла у нас над головой и исчезла в темноте.

Оказалось, что это гигантская плоская рыба, насколько мог определить профессор, очень похожая на нашу камбалу, увеличенную во много тысяч раз.

* * *

Нередко над страной атлантов проносились ураганы. Повидимому, их вызывали периодически повторяющиеся силь-

ные подводные течения; ураганы эти начинались внезапно и причиняли не меньше разрушений и несчастий, чем тайфуны и торнадо на поверхности земли.

Впервые я был захвачен таким подводным циклоном во время прогулки с Моной, дочерью Манда. На расстоянии двух километров от храма находилась небольшая очень красивая возвышенность, заросшая водорослями тысячи различных оттенков и цветов. Это был собственный садик Моны, который она очень любила; здесь росли спутанные розовые серпуларии, пурпурные орфиуриды и красные голотурии.

В этот день она повела меня показывать свой садик, и в то время как мы им любовались, разразилась буря. Так силен был напор потока, внезапно хлынувшего на нас, что только прижавшись к уступам скал, мы могли удержаться на месте. Поток был совершенно горячий, что неоспоримо доказывало вулканическое происхождение подводных бурь. Ураган все сметал на пути. Тучи ила поднялись со дна, и стало совсем темно. В довершение всего я почувствовал медленно возрастающую тяжесть в груди, и затрудненное дыхание предупредило меня, что кислород в аппарате на исходе.

В минуты, когда мы стоим лицом к лицу со смертью, на поверхность сознания всплывают таившиеся в глубине могучие чувства и вытесняют все другие эмоции. Именно в этот момент я понял, что люблю Мону и готов умереть за нее. По глазам ее я увидел, что и она переживает то же самое.

До сих пор я думал, что шлемы атлантов не пропускают звуков, но оказалось, что некоторые колебания воды легко передаются сквозь оболочку шлема. Раздался громкий вибрирующий звон, точно где-то далеко ударили в гонг. Моя спутница сразу поняла в чем дело. Она схватила меня за руку и повлекла за собой. Мы начали прокладывать себе дорогу через бурный поток. Это был бег наперегонки со смертью. Каждую минуту давление на грудь все увеличивалось и становилось непереносимым. Я видел совсем близко прелестное лицо Моны. Она с тревогой смотрела мне в глаза. Стиснув зубы, я боролся с пото-

ком. Силы покидали меня. Вид и движения Моны доказывали, что ее кислородный аппарат не так истощен, как мой. Внезапно все закачалось, поплыло передо мной, я взмахнул руками и упал без чувств на мягкое дно океана...

Когда я пришел в себя, я лежал на своем ложе во дворце атлантов. Старый жрец в желтой одежде стоял подле меня с бокалом подкрепляющего напитка в руке. Маракот и Сканлэн с хмурыми лицами наклонились надо мной, а Мона

На серебряном экране, отражающем мысли, Манд по-казал мне и Моне удивительные вещи.

стояла на коленях у ложа и тревожно глядела на меня. Оказалось, что мужественная девушка добралась до дворца, собрала спасательный отряд, куда вошли и двое моих товарищей, привела их и тем спасла меня от верной гибели. Услышанный мною звон исходил из специального гонга, в который били в случае подводных бурь, чтобы предупредить застигнутых в пути и указать им верное направление.

II. Тени прошлого.

Отец Моны, Манд, знал о нашей любви и весьма благоволил ко мне. Глядя на нас, он с доброй улыбкой покачивал головой и загадочно говорил:

— Так и должно быть...

Однажды он пригласил меня к себе, усажив возле Моны, поставил перед нами серебряный экран, отражающий мысли, и показал нам удивительные вещи. Сидя рядом и пожимая друг другу руки, мы смотрели как зачарованные на картины, мелькавшие перед нами.

На экране появился скалистый мыс, резко выступавший на голубой глади океана. На мысу стоял большой дом изящной постройки с красной кровлей и белыми стенами. Его окружала пальмовая роща. Повидимому, в этой роще был разбит лагерь. Тут и там виднелись белые палатки и блистало оружие. Из лагеря вышел мужчина средних лет, одетый в кольчугу, с легким круглым щитом в руке. В другой руке у него тоже что-то было, но что именно — меч или дротик — я не мог различить. Когда он повернулся к нам лицом, я увидел, что он принадлежал к той же расе, что и атланты, окружающие нас. Он был удивительно похож на Манда, но черты лица его были резки и неприятны. На высоком лбу, в крутом изломе бровей и в сардонической складке губ отпечатались порок и злоба.

Когда воин подошел к дому, навстречу ему вышла молодая девушка в длинном белом древне-греческом одеянии. Она приблизилась к мужчине, выражая ему знаки почтения. Но он грубо оттолкнул ее и замахнулся, словно собираясь ударить. Девушка отшатнулась. Солнечный луч озарил ее прекра-

сное заплаканное лицо. Она как две капли воды была похожа на Мону.

Серебряный экран потускнел, но через минуту забрезжила другая картина. Перед нами была бухта, окруженная скалами. На переднем плане виднелась странная лодка с заостренным носом и кормой, похожая на корабль викингов или на венецианскую гондолу. Была ночь, но луна ярко озаряла море. Знакомые звезды сияли на небе. Медленно и осторожно входила лодка в бухту. В лодке сидели два гребца, а на корме — человек, закутанный в темный плащ. Когда лодка приблизилась к берегу, человек в плаще поднялся и стал пристально смотреть на скалы. При свете луны я увидел его серьезное бледное лицо, и невольно вскрикнул: это был мой двойник. Сходство было поразительное. Значит... Что же это значит?...

Далеко могли бы завести меня размышления, но тут я вспомнил, что серебряный экран отражает все, что захочет проектировать на него демонстратор. Следовательно, Манд может показывать мне то, чего и не было в действительности, а является плодом воображения. Возможно, что он брал легенды древности и наделял их героев чертами близких ему людей. На этом я успокоился и продолжал жадно всматриваться в экран.

Лодка причалила, и из прибрежных кустов появилась легкая белая фигура девушки. Она упала в объятия моего двойника, и он увлек ее в лодку. Но вдруг поднялась тревога. Человек в плаще, размахивая руками, приказывал гребцам как можно скорее отталкиваться от берега. Но было поздно. Из кустов выбежали воины. Цепкие руки ухватились за борт лодки. В воздухе блеснул топор и опустился на голову моего двойника. Он упал мертвый около девушки, обогрив своей кровью ее белые одежды. Обезумев от ужаса, она билась в рыданиях, когда отец освобождал изпод трупа ее длинную черную косу. Потом все исчезло...

Но вот новая картина затрепетала на экране. Внутренность Храма Безопасности, некогда построенного мудрецом-атлантом, того самого храма, где мы сейчас находились. Разразилась ужасная катастрофа, потому что храм был пе-

реполнен охваченной паникой толпой. Среди беглецов я заметил Мону, но отца не было рядом с ней. Внезапно храм заколыхался подобно кораблю во время бури, и обезумевшие люди в отчаянии пытались влезать на колонны или падали на пол. Потом увидели мы огромный столб воды, несущийся по волнам, и картина поблекла, а Манд, улыбаясь, обернулся, показывая, что все кончилось.

Итак, мой двойник был героем атлантов, и меня, должно быть, принимали за его воплощение. Что же, я ничего не имел против этой незаслуженной славы.

III. Желтая банда.

В одно прекрасное утро (если только это слово применимо в условиях подводной жизни) мы с профессором сидели в небольшой гостиной, часть которой он занял под лабораторию. Маракот был с головой погружен в потрошение гастростомуса, которого он поймал накануне. На столе грудой лежали амфиподы и копеподы, образцы *Valella*, *Ianthina*, *Physalia* и сотни других животных, запах которых был не более привлекателен, чем их вид. Я сидел около него, изучая грамматику атлантов. У наших друзей было множество печатных книг. Шрифт был причудливый. Буквы шли справа налево. Сперва мне показалось, что они были напечатаны на пергаменте; позднее я узнал, что это рыбы пузыри, обработанные и спрессованные. Я углубился в книгу в поисках ключа, который откроет мне доступ ко всем наукам атлантов.

Наши мирные занятия были прерваны странной группой, ворвавшейся в гостиную. Первым влетел Биль Сканлэн, красный и взволнованный. Одной рукой он ожесточенно размахивал, а другой прижимал к груди пухлого ребенка, заливавшегося во все горло. За ним вбежал Бербрикс, тот самый атлант-механик, который помогал Сканлэну сооружать радиоприемник. Это был огромный, толстый, веселый мужчина, но сейчас его физиономия была искажена скорбью. С ним вбежала молодая женщина. Голубые глаза и волосы соломенного цвета доказывали ее неатлантское происхождение:

видимо, она принадлежала к одной из поработанных атлантами рас.

— Слушайте-ка, хозяин! — взволнованно закричал Сканлэн. — Этот самый Бербрикс, славный парнишка, не выдержал одиночества и женился на этой вот женщине, и я думаю, что из них вышла не такая уж плохая пара. Насколько я мог понять, она здесь на таком положении, как негритянки в наших южных штатах. Прежде чем жениться, этот осел наболтал ей чорт знает каких небылиц, но я думаю, что это его личное дело...

— Разумеется, это его личное дело, — сказал я. — Но что вас так взволновало, Сканлэн?

— Ну, так слушайте дальше. Словом, у них вылупился ребенок. Только, видно, здешняя публика не выносит помесей, и жрецы решили принести ребенка в жертву своему дурацкому идолу. Дьявол в желтом колпаке забрал ребенка и хотел утащить его в храм, но Бербрикс отнял его. Я с своей стороны добавил этому негодю в ухо, и теперь вся банда мчится за нами по пятам...

Сканлэн не мог продолжать: раздался крики, топот ног по коридору, дверь распахнулась, и служители храма ворвались в комнату. За ними осторожно выступал свирепый длинноносый жрец огромного роста. Он дал знак рукой, и слуги бросились вперед, чтобы схватить ребенка. Сканлэн живо сунул ребенка в грудь профессорских животных на столе, схватил копьё и выступил против нападающих. Они невольно остановились и выхватили ножи. Мы с Бербриксом тоже схватили копьё и стали рядом со Сканлэном. У нас был такой грозный вид, что служители храма попятились назад. Казалось, вот-вот начнется бой.

— Мистер Хедлей, сэр, вы немного болтаете на их тарабарском языке, — воскликнул Сканлэн. — Скажите им, что с нами шутки плохи. Скажите, что мы не намерены отдавать им детей на растерзание. Если они немедленно не очистят помещение, то мы перевернем вверх дном всю их лавочку... Ну, так тебе и надо, ты сам лез на рожон, вот и получил по заслугам!

Последняя фраза Сканлэна была обращена к одному из служителей, который, подкравшись, замахнулся ножом на

Сканлен с посохом гаперес вступил против служителей храма. Они остановились...

Билия но тут же получил в руку удар профессорского скальпеля. Служитель завыл и заплясал от боли и страха, а его товарищи, подстрекаемые жрецом, готовы были броситься на нас. Неизвестно, что бы тут произошло, если бы в комнату не вошел Манд в сопровождении Моны. На мгновение он застыл в удивлении. Потом засыпал верховного жреца градом вопросов. Мона подошла ко мне. Внезапно меня осенило вдохновение: я взял ребенка и положил ей на руки. Малышка быстро успокоилась и весело заворковала.

Манд хмурил брови. Ясно было, что он был озадачен создавшимся положением. Он отослал жреца и его спутников обратно в храм и пустился в долгие объяснения, из которых я понял далеко не все.

— Эта лэди будет заботиться о матери и ребенке, — сказал я Сканлэну.

— Тогда другое дело. Если мисс Мона займется ими, я ничего не имею против. Но если эта желтая банда...

— Нет, нет, они не посмеют вмешиваться в это дело. Вопрос будет обсуждаться в Верховном Совете. Вообще все это очень серьезно. Насколько я понял, Манд говорил, что жрецы действовали по древнему национальному обычаю. Атланты боятся смешения высшей расы с низшей и блюдут чистоту своей крови. А если от смешанных браков рождаются дети, их умерщвляют. Таков закон.

— А все-таки этот ребенок не умрет! — заявил Биль.

— Будем надеяться, — сказал я. — Манд обещал сделать в Совете все, что в его силах. Но Совет соберется не раньше чем через неделю или две. Покамест малышка в безопасности.

Марактова бездна

Роман А. Конан-Дойля

(Окончание)

ОТ РЕДАКЦИИ

Конан-Дойль, увлекающийся последние годы оккультизмом, настолько перегрузил конец «Мараковой бездны» эпизодами и подробностями из «потустороннего мира» (до чертовщины и черной магии включительно), что редакция «Следопыта» вынуждена была прибегнуть к сокращению отдельных кусков и разговоров этой части романа, совершенно неуместных на страницах журнала и нелепых с точки зрения нашего читателя, которому рассуждения о «вечной борьбе добра и зла» и мистические измышления о способах изгнания дьявола — просто скучны и смешны. Досадно за талантливого писателя, который не только докатился до мракобесия, но и проповедует его назывными приемами, лишенными даже тени оригинальности и новизны

IV. Дворец черного мрамора.

Я уже упоминал, что недалеко от подводного жилища атлантов лежал в развалинах древний город. Затем я описывал, как нас, снабженных стеклянными колпаками с запасом кислорода, водили смотреть развалины. Невозможно передать словами потрясающее впечатление; которое произвели на нас эти величественные руины. Огромные из цельного камня колонны и гигантские здания лежали молчаливой грудой в слабом фосфоресцирующем свете. Жизнь ушла из этого города, здесь прекратилось время и движение. Лишь изредка периодические подводные течения кольхали застоявшиеся массы воды, да мелькала тень крупной рыбы, выплывавшей из портника или метавшейся по мертвым комнатам и проходам. Мы любили приходить сюда и под руководством нашего друга Манда проводили целые часы в осмотре странной архитектуры и других остатков исчезнувшей цивилизации.

В одной части города мы обратили внимание на большое здание, которое,

повидимому стояло на холме: оно и теперь возвышалось над общим уровнем. К нему вела длинная лестница с широкими ступенями из черного мрамора; из такого же мрамора было построено почти все здание, но теперь мрамор почти всюду был покрыт желтым отвратительным фунгусом, гроздьями свисавшим со всех карнизов и выступов.

Не раз мы собирались подробнее осмотреть мрачное здание, но каждый раз Манд начинал проявлять признаки тревоги и знаками умолял нас повернуть обратно. Нас раздражало еще большее любопытство.

Однажды утром мы с Билем совещались по этому поводу.

— Слушайте, хозяин, — сказал Биль, — там есть какая-то чертовщина, до которой этот парень ни за что не хочет нас допустить. А чем больше он юлит, тем больше меня подмывает залезть в этот черный театр и понюхать, что там собственно творится. На какой шут нам проводники, позвольте вас спросить! Мы и без них сумеем натянуть стеклянные колпаки и найти дорогу.

— Что же, я готов, — ответил я. — А с вашей стороны, сэр, препятствий не встречается? — обратился я к вошедшему Маракоту. — Быть может и вы примкнете к нам? Мы собираемся раскрыть тайну дворца из черного мрамора.

— А может быть — дворца черной магии — поправил Маракот. — Кстати, вы слышали когда-нибудь о Владыке Черного Лица?

Мы признались, что не слышали.

Не помню, упоминал ли я раньше, что профессор был мировым авторитетом по сравнительным религиям и первобытным верованиям. Даже верования легендарной Атлантиды были в его компетенции.

— Сведения об Атлантиде получены нами большей частью из Египта, — сказал он. — Жрецы храма в Саисе рассказали многое греческому мудрецу Солону, который является в сущности единственным источником, из которого исходят все сведения, отчасти фактические, а большей частью легендарные. Манд рассказал мне легенду о Владыке Черного Лица. Я не могу с уверенностью сказать, что это и был хозяин черного дворца. Говорят, что было несколько Владык Черного Лица, но один-то во всяком случае был, и его дворец мы видели.

— А что это была за птица? — спросил Биль.

— Все источники описывают его как сверхчеловека, знаете, типа греческих героев и полубогов. Он навлек несчастье на атлантов, и страна была разрушена.

— Как Содом и Гоморра, — ввернул Биль.

— Вот именно. Наконец настал такой момент, когда положение стало совершенно невыносимым. Терпение природы истощилось, и ей оставалось только разрушить все дотла и на голом месте создавать заново. Этот владыка занимался черной магией, добился сверхъестественной силы и употреблял ее во зло человечеству. Такова легенда о Владыке Черного Лица. Может быть это объясняет почему до сих пор его дворец внушает ужас несчастному народу; атланты дрожат при мысли, что мы осмелимся войти во дворец.

— А мне от этого еще больше хочется проникнуть туда! — воскликнула я.

— Мне тоже! — подхватил Биль.

Трудно двигаться в плотной среде соленой воды на такой глубине...

— Должен признаться, что и я горю желанием исследовать дворец, — сказал профессор. — Не думаю, что наши милые хозяева будут в большой претензии, если мы предпримем эту экспедицию самостоятельно, раз они не могут преодолеть своих предубеждений.

Прошло не мало времени, пока удобный случай представился; наше маленькое общество было тесно сплочено, и для личной жизни почти не оставалось времени. Но однажды утром (с помощью нашего примитивного календаря я мог различать день и ночь) у атлантов происходило какое-то религиозное собрание, целиком поглотившее их внимание. Нам не хотелось терять такого удобного случая. Убедив двух привратников, работавших у насосов во входной камере, что нам разрешена прогулка, мы очутились одни на дне океана и направились к старому городу.

Трудно двигаться в плотной среде соленой воды на такой глубине, и даже небольшая прогулка очень утомляет, но все же через час мы стояли у входа в большое черное здание, которое так разожгло наше любопытство. Мы взошли по мраморным ступеням и прошли через высокие резные порталы Дворца Зла.

Он сохранился значительно лучше, чем другие здания древнего города: крепкие мраморные стены стояли как прежде, но мебель и драпировки были уже давно уничтожены временем и водой.

Дворец был и сам по себе угрюм, а теперь в его мрачных углах и коридорах шевелились темные силуэты огромных полипов и странные бесформенные рыбы, подобные видениям кошмара. Особенно врезались мне в память громадные пурпурные слизняки, кишевшие повсюду, и большие черные плоские рыбы, с длинными шевелящимися щупальцами, лежавшие на полу точно ковры.

Мы шли по коридорам, украшенным богатыми орнаментами. Центр здания занимала роскошная зала, которая во времена расцвета Атлантиды вероятно была одним из самых величавых покоев. В полумраке мы не могли рассмотреть ни потолка, ни высоты стен, но, обходя кругом залы и освещая себе путь фонарями, видели ее огромные размеры и великолепные украшения стен. Эти укра-

шения состояли из статуй, фресок и орнаментов. Исполнение было безукоризненное, содержание — страшное, отталкивающее. Все это мог изобрести лишь извращенный мозг в утонченной жестокости и дьявольской злобе. Сквозь сумрак со всех сторон смотрели на нас кошмарные лица и чудовищные сцены. Если когда-нибудь дьявол воздвигал в свою честь храм, то именно в нем-то мы и очутились. И сам дьявол присутствовал здесь: в глубине залы, под балдахином из обесцвеченного металла (возможно, золота), на высоком троне красного мрамора восседало ужасное божеество, воплощение зла, хищная, свирепая фигура, отлитая по той же примерно форме, что и Ваал, которого мы видели в храме атлантов, но бесконечно более жуткая и отвратительная.

Фигура производила такое сильное впечатление, что мы застыли перед ней.

Из задумчивости нас вывело поразительное обстоятельство. Откуда-то сзади послышался громкий смех...

* * *

Я уже говорил, что наши головы были заключены в стеклянные колпаки, куда не могли проникнуть звуки; точно так же носящий колпак не мог и сам заставить себя слышать. И все же саркастический смех ясно донесся до наших ушей. Мы быстро повернулись.

Мне показалось, что среди обступивших нас теней мелькнула черная человеческая фигура. Мы направили туда лучи фонарей, но ничего не обнаружили. Осмотр отвратительных статуй и этот непонятный звук нагнали на нас такую жуть, что мы, не сговариваясь, двинулись к выходу, шаря по сторонам фонарями.

Когда мы сняли колпаки в камере, первым заговорил Скэнлэн:

— Чорт меня возьми, если я когда-нибудь выйду на прогулку без моей шестизарядной игрушки!

— Что вы думаете, профессор, о смехе? — спросил я.

Но Маракот только пожал плечами.

Я долго не мог успокоиться. Наши колпаки не пропускали звуков, а между тем мы слышали звук, подобный громкому смеху. В чем же дело? Галлюцинация? Но слышали все трое.

Особенно врезалась в память громадные слизняки, кишевшие повсюду, и большие черные рыбы с длинными щупальцами, лежавшие на полу точно ковры...

Я не выдержал и заговорил об этом с Билем. Не так упорно, как я, но он тоже думал о происхождении звука, строил самые фантастические гипотезы и тут же разрушал их. Мы решили взять в работу профессора и поставить вопрос ребром.

Так мы и сделали. Маракот улыбнулся.

— Я не исследовал этого дела, — ответил он, — и не могу дать вам точного и исчерпывающего ответа. Каково может быть происхождение звука?.. Вам не приходилось во время путешествия по дну касаться колпаком какого-либо твердого предмета? В этом случае при всей своей упругости колпак издал бы звук, и колебания передались бы через воздушную среду в ваше ухо.

— Но все трое, сразу...

— Верно. Но главное, что говорит против этого предположения, это характер звука. Получился бы звук удара, но не смех. Самое вероятное предположение таково: звук издал какой-то прибор, подобный колоколу, созывающему атлантов в случае опасности. Ведь колокол передает звуковые вибрации сквозь звуконепроницаемый колпак. Изобретенье такого аппарата сделано не нашими хозяевами, а их отдаленными предками в период постройки города. Почему бы в зданиях не могли быть установлены такие приборы — хотя бы для предупреждения хозяев о вторжении посторонних, — и один из них в черном дворце не мог случайно притти в действие от нашего прикосновения к приемнику сигнализации? Что касается тембра звука, то это вопрос длины его эфирной волны, частоты колебаний. Наконец этот звук могло издать какое-нибудь морское создание, неизвестное нам. Разве наша наука, которая часенко бродит в потемках, знает что-нибудь о распространении колебаний порядка радиоволн? Вы, Биль, хорошо знаете технику радио, а сможете ли вы объяснить мне кратко и ясно принцип передачи волн на расстояние?

— Хм... волны — это...

— Не пытайтесь. Я тоже не могу. Да и никто пока не может... Научная мысль работает неустанно, вырывая у природы ее тайны, но много еще остается неизведанных уголков в природе.

— А как вы думаете, раскроют когда-нибудь все тайны? — спросил Биль.

Маракот пожал плечами и усмехнулся:

— Мы-то с вами не доживем до этого времени. Эти дни, друзья мои, я размышлял над легендой о Владыке Темного Лица. Должен вас огорчить, выводы совсем не так любопытны. Повторение легенды о вечной борьбе добра и зла. Владыка Темного Лица — воплощение зла. Строитель Храма Безопасности — доброе начало. Возможно, что существование того и другого — не миф. Между двумя сильными атлантами — политиком и ученым, велась борьба. Ученый, предвидя гибель Атлантиды, создал убежище для спасения своих сторонников. На протяжении веков оба противника превратились в символы добра и зла, и потомки атлантов, обязанных жизнью строителю, символизирующему добро, суеверно боятся черного дворца, где жил Владыка Черного Лица, символ зла. Вообще все религии и верования имеют общий базис, и, зная кое-что в этой области, не трудно разгадать причины ужаса атлантов перед черным дворцом.

— Почему вы не объясните этого атлантам? — спросил я.

— Они не поймут. — просто ответил Маракот. — Мир абстракции для них почти не существует. Пусть себе верят.

* * *

Таков был финал нашего приключения во дворце из черного мрамора. Через некоторое время Биль придумал способ сношения с землей, и мы выплыли на поверхность моря.

Доктор Маракот поговаривает о возвращении к атлантам. У него остались какие-то неясности в одном чрезвычайно важном для него вопросе по ихтиологии, и ему во что бы то ни стало нужны дополнительные данные.

Сканлэн, как я слышал, женился на той самой девушке из Филадельфии, о которой вздыхал на дне океана, выдвинулся по службе, работает главным мастером у Меррибенкса и не собирается пускаться в новые авантюры.

А я... океан подарил мне такую жемчужину, что искать мне больше решительно нечего.